

УДК 821.512.141.09

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РОЛИ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.- А. ЧУКУРИ

Сайтбатталов И.Р., Фаткуллина Ф.Г.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Уфа, Россия (450076, Уфа, ул. ЗакиВалиди, 32), bashedu.ru

В статье проводится лингвокультурологическое исследование творческого наследия известного башкирского деятеля, педагога и историографа XIX века Мухаммада Аль Чукури. Авторами подробно проанализирована языковая ситуация конца 19 века, тщательно рассмотрены особенности языка тюрки, характеризующейся взаимодействием фольклора, диалектов и заимствований. Особое внимание уделяется проблеме функционирования и эстетической роли лексических заимствований из арабского и персидского языков. Отмечается, что активное бытование арабизмов в произведениях М. Чўкурї обусловлено культурной и языковой ситуацией в Башкортостане в XIX веке и особенностями мировоззрения, жизненной и творческой позицией поэта. Делается вывод о том, что арабский язык служил своего рода метаязыком для внешнего описания и номинации произведений на тюрки, источником терминологической лексики и базой для пополнения синонимических рядов.

Ключевые слова: язык тюрки, лингвокультурология, арабские заимствования, эстетическая роль, языковая ситуация, метаязык.

THE AESTHETIC ROLE OF ARABIC BORROWINGS IN THE WORKS OF M. 'A. CHUCURI

Saitbattalov I.R., Fatkullina F.G.

Bashkir State University, Ufa, Russia (450076, Ufa street Zaki Validi. 32), bashedu.ru

The article presents a linguistic and cultural study of the creative heritage of the famous Bashkir leader, teacher and historian of the nineteenth century Muhammad al Chucuri. The authors analyzed the linguistic situation of the late 19th century, the features of the language of the Turks, characterized by the interaction of folklore, dialects and borrowings are thoroughly discussed. Special attention is paid to the functioning and aesthetic role of lexical borrowings from Arabic and Persian languages. It is noted that the frequent use of Arabic words in the works of M. Chucuri is caused by cultural and linguistic situation in Bashkortostan in the XIX century and features of outlook, life and creative attitude of the poet. It is concluded that the Arabic language served as a kind of metalanguage for external descriptions and the nomination of works for the Turks, the source of terminology and the basis for the replenishment of the synonymic series.

Keywords: the Turkic language, cultural linguistics, Arabic borrowing an aesthetic role, the language situation, the meta-language.

Творчество поэта, писателя, религиозного деятеля, педагога, историографа и суфийского шейха Мухаммада-‘Али Чўкурї (1826-1889) явилось заметным фактом в башкирской и оказало значительное влияние на татарскую литературу XIX века [5: 1566]. Корпус его текстов замечателен как по многочисленности, так и по разнообразию жанров и тем. Тот факт, что его тексты не только издавались, но и переиздавались, однозначно свидетельствует о популярности М.-‘А. Чўкурї как поэта и востребованности его произведений со стороны современников. Несмотря на значительное число как российских, так и зарубежных [8: 172] публикаций о поэте и его произведениях, его язык ещё не подвергался специальному исследованию. По нашему мнению, на его формирование,

особенно на уровне лексики, влияли как языковая ситуация в крае в XIX веке, так и весь комплекс объективных и субъективных экстралингвистических факторов.

Первая характеризуется взаимодействием двух языковых систем – народно-разговорного башкирского языка, представленного тремя диалектами, 12 говорами и возникшим на их основе более или менее унифицированным языком фольклора, и письменным языком тюрки, выполнявшим роль книжной группы стилей (на нём составлялись официальные документы, создавались научные тексты и произведения художественной литературы) [2: 345-348]. Одной из определяющих черт языка тюрки на всём протяжении его функционирования была насыщенность арабскими и персидскими лексическими заимствованиями [6: 1626].

К объективным экстралингвистическим факторам, влиявшим на функционирование арабских заимствований в текстах на языке тюрки, относится высокий престиж арабского языка в странах и регионах мусульманского Востока, северной периферией которого был Исторический Башкортостан. Этот престиж был основан на религиозном представлении об арабском языке как единственном языке божественного откровения. Ценностное отношение к арабскому языку диктовалось самим Кораном, в котором стихи наподобие «Мы ниспослали Коран, подобно [другим писаниям], книгой заветов на арабском языке» (13:37) встречаются многократно. Позиционирование арабского языка как «прекрасного» также основано на коранических аятах: «Эти [аяты] – знамения ясного Писания. Воистину, Мы ниспослали его (в виде) Корана на арабском языке в надежде, что вы поймете [его содержание]» (12: 1-2)[3].

Изучение арабского языка в мере, достаточной для понимания фраз, произносимых во время пятикратной молитвы, до сих считается поступком категории «ваджиб» – обязательной для исполнения. Науки, как религиозные, так и светские, в исламском мире XIX века также обсуживались преимущественно арабским языком.

М.-‘А. Чўқурй, будучи сначала имамом (настоятелем мечети), затем ахуном (старшим имамом) Бирского уезда, то есть образцовым носителем и транслятором исламских ценностей [8: 130], не мог не разделять всех этих представлений. Принадлежа к суфийскому братству Накшбандиййа и будучи его наставником, М.-‘А. Чўқурй очевидно в полной мере разделял отношение этого ордена к языку и речи, выраженное принципом «Сдерживание языка – занимать язык декламацией Корана, благими наставлениями, увещанием от греховных дел, зикрами» [9: 71].

Суть этого отношения была предельно ясно выражена великим узбекским поэтом и мыслителем, накшбандийцем Алишером Навои: «Из всех языков арабский язык является избранным и исключительным благодаря своей образности и изяществу, и никто из

наделенных речью не смог бы предъявить к нему каких-либо притязаний. Слова его верные и указывают истинный путь, ибо слова всеведущего господа, да будет он велик и славен, и их неподражаемый строй снизошли к нам на этом языке. Благословенные хадисы Пророка, да благословит и да приветствует его Аллах, сказаны тоже на этом языке. Великие святые и высокодостойные шейхи, да освятит Аллах их усыпальницы, высказанные ими поучения и наставления, а также красивые изречения, которые они облачали в одежды написания, - большей частью осуществляли посредством благословенных выражений, благодатных слов и иносказаний» [4]. Украшение речи как цитатами из священных писаний, так и отдельными элементами их языка могло быть для поэта способом её сакрализации, а также одним из аспектов следования «великим святым и высокодостойным шейхам».

По многочисленным свидетельствам, обучение грамоте в традиционных школах – мектебах и медресе – так же строилось на изучении арабского языка при полном пренебрежении родным [2: 353]. Это способствовало формированию у грамотных людей совершенно иного, чем сегодняшней, типа языковой компетенции и появлению среди башкир и представителей других народов края активного тюрко-арабского двуязычия или реже тюрко-арабо-персидского трёхязычия. Примером последнего является М.-‘А. Чўқурй, который является автором целого ряда текстов религиозного содержания на арабском языке и некоторого количества стихотворений на фарси. Анализ написанных им текстов показывает, что арабский язык использовался преимущественно для создания текстов религиозного содержания и для написания кратких предисловий к тюркоязычным произведениям, то есть выступал по отношению к ним в качестве своего рода метаязыка. Использование его в таком качестве имеет в тюркской культуре глубокие корни, о чём свидетельствуют работа Махмуда Кашгари и другие средневековые литературные памятники. В языковедческих работах, посвящённых арабографичным памятникам Башкортостана на языке тюрки, стилистическая и эстетическая роли арабских заимствований фактически не рассматриваются. Авторы лишь ограничиваются замечаниями о большей или меньшей активности арабизмов в тех или иных произведениях и об их синонимии с исконными лексемами.

В рамках произведений М.-‘А. Чўқурй арабизмы проявляют наибольшую активность в качестве заголовков: произведения с собственно тюркскими заглавиями в его наследии единичны: среди 47 текстов, хранящихся в Национальной библиотеке им. А.-З. Валиди, их только три. Именуя арабскими словами, словосочетаниями и фразами тюркоязычные тексты, автор стремился представить максимально широкому кругу читателей их содержание («Фусули’ арбā» – *‘Четыре сезона’*, «Машāйих’ Алй Ґārй Булґārй» – *‘Шейхи Али Гари Булгари’*, «Назм-и’ Алй фй мадх-и Тефкилев» – *‘Стихи Али в похвалу Тевкелеву’*), цель написания

(«Газкират ли-ль-ихвāн ва-ль-ахбāб» *‘Напоминание возлюбленным и братьям’*, «Шам’ад-дийа’ фй тазаккурати каум-и ’ахль’ад-дийа’» *‘Свет свечи в напоминание народу людей света’*) или собственную оценку («Фусс’аль-’ахйār» *‘Драгоценности превосходных’*, «’Агйāн-и мādй» *‘Знатные люди прошлого’*, «Дурр-и ’Алй» *‘Жемчужины Али’*). Используемые в этом качестве, арабизмы являются частью метаязыка и служат отстранённому описанию называемых текстов. (Здесь и далее, приводя арабизмы, изолированные от тюркоязычного текста, мы используем знаки арабско-русской практической транскрипции, а при обращении к контекстам, используем графические средства современного башкирского языка).

Особое место среди них занимают традиционные формулы: басмала – посвящение Богу, салават – благословение в адрес пророка Мухаммада, хамд – восхваление Бога в начале произведения, благословение сподвижникам пророка и праведникам, самоуничижение автора и др. Характерно, что писатель использовал помимо традиционной формулы басмалы конструкции «Бисми-л-карйми-т-таууāб» *‘Во имя Щедрого и Принимающего покаяние’*, «Бисми-л-карйми-с-саттār» *‘Во имя Щедрого и Скрывающего человеческие грехи’* и даже «Бисми та’āла» *‘Во имя Всевышнего’*, что может быть связано как со стремлением разнообразить традиционные формулы в рамках допустимого с точки зрения религии, так и с этикетом братства Накшбандийа.

Как и любые заимствования, арабские слова в текстах М.-’А. Чўкурй используются для номинации реалий, обозначения которых отсутствуют в родном языке: *гаууас* *‘нырлящик за жемчугом’*, *тэкриб* *‘расширенный комментарий’*, *наби* *‘пророк’*, *зат* *‘сущность, лицо’* и др. Подавляющее большинство подобных лексем являются терминами конфессиональными, обозначающими понятия, связанные с исламом: *фарыз* *‘обязательное с точки зрения религии’*, *хадж* *‘паломничество’*, *тəхид* *‘единобожие’*, *мəулид* *‘день рождения пророка Мухаммада’*, *мəфти* *‘муфтий’* и т.п.

Особое место среди конфессиональной лексики арабского происхождения, используемой М.-’А. Чўкурй, занимают суфийские термины, обозначающие различные состояния «ищущего», этапы «познания божественного», конкретные духовные практики, эмоции и т.д. [1: 116]. Многие из них имеют метафорическую природу, так как «для чистого духом, нравственно совершенного человека метафора есть сама истина» [9: 94]. Некоторые из этих терминов утратили конфессиональный характер и вошли в состав современного башкирского языка с небольшим изменением семантики: слово *мəхəббəт* означает сейчас не *«любовь к Аллаху»*, а любовь вообще, *хəкикəт* – не *«ступень, на которой соискатель достигает истинного господа»*, а истину в широком смысле, *риза* – не *«согласие с судьбой»*, а любое согласие.

В произведениях М.-‘А. Чўқурй арабские заимствования подверглись полной морфологической адаптации. Заимствованию подвергались, в основном, имена (‘исм): *шәйех* ‘шеих’, *мәдрәсә* ‘медресе’, *мәзкүр* ‘упомянутый’, и отглагольные имена (масдар): *икбал* ‘удача’, *илтифат* ‘внимание’, арабского языка; число заимствованных глагольных форм невелико. Характерно, что среди заимствованных существительных немало форм множественного числа, передающих общие, собирательные значения: *риджал* ‘мужи’, мужчины, *әтраф* ‘стороны, окрестности’, *әүләд* ‘сыны’, *ихуан* ‘братья’. Зачастую автор отдавал предпочтение именно им, а не формам с арабским корнем и тюркским аффиксом. Последние, по нашим наблюдениям, несли в своей семантике представление о неопределенности или дискретности: *ләбибләрдән булуп анлар* ‘будучи из разумных’, *риджалы ул тарафларның* ‘мужи тех сторон’. Некоторые формы из первой группы вошли в современный башкирский язык.

В текстах М.-‘А. Чўқурй большинство арабских заимствований приобрели грамматические черты существительных (категории числа, падежа, принадлежности, сказуемости): *хәбибәндән* ‘от его возлюбленного’, *ансабымыздан* ‘из нашего рода’, *дәүләтәндәдүр* ‘в его власти’. Многие из них выступают в текстах в качестве наречий и прилагательных: *лотоф намы* ‘прекрасное имя его.’ Данный факт связан с тем, что последние две части речи в тюркских языках не всегда поддаются разграничению как между собой, так и с существительными.

Так как тюркский язык произведений М.-‘А. Чўқурй сочетает морфологические черты кыпчакских и огузских языков, особого внимания и отдельного рассмотрения – в первую очередь статистического – заслуживает сочетаемость арабских заимствований с огузскими и кыпчакскими грамматическими показателями: сам факт, что в рамках одного текста встречаются варианты одной и той же формы типа *вирубләр безгә йер-сыуны* ‘[они] дав нам землю и воду’ и *безә ансаб булур анлар* ‘они будут нам родственники’, наталкивает на предположение о мотивированности их употребления.

В предложениях арабские заимствования использовались М.-‘А. Чўқурй в качестве подлежащих: *саләт* улсун рәсүлә ‘да пребудет молитва пророку’, *халкы да шөйлә булганлар* ‘и народ таким же был’, *ләбибләр* чыкды һәм андин ‘разумные вышли и оттуда’, дополнений: *күңелкә ал вәлиләрне* ‘прими в душу наместников [божиих]’, *йөрәкләр гәмбелә тулды* ‘сердца горем наполнились’, определений: *гәзиз* әнсәбемездән ‘из нашего дорогого рода’, обстоятельств: *аны да сөймәгән ахыр* ‘и его невзлюбил потом’, простых сказуемых: *кем әрнә* ‘кто приблизился’. Особенно частоты арабизмы в составе сложных сказуемых в сочетаниях с модальными глаголами *ит*-‘делать’, *кыл*-‘делать’, *ул/бул*-‘быть’: *зикри кәлб итүргә башладылар* ‘они начали совершать «зикр сердца»’, *Барда сыуы буйында мәғшиәт*

кылган *‘Жил на берегах реки Барды’*, Абдал бей вафат булган *‘Абдал бей скончался’*, өч йыл анда тилмиз улдум *‘три года я там был учеником’*.

Писатель активно строил сочетания заимствованных лексем с исконными, в которых первые приобретали логический, интонационный и семантический акцент: *Ничаләр улдыдар асхаб, ничаләр улдылар ахбаб, ничәйә улды фәтх баб, булуб донйа илә гукубә. Ничаләр галим улдылар, хәжикәт хаккы булдылар, кәмаләт илә тулдылар, булуб джәүһәр мәснә ‘Сколько стали спутниками [пророка Мухаммада], Сколько стали возлюбленными, скольким распахнулись двери, будучи преследуемы миром. Сколько стали учёными, обнаружили истинную правду, наполнились совершенством, став подобными жемчужинам’*; *Мөьмин улган бәндәгә күбдүр фарыз ‘Для верующего много обязательного’*; *Булмак эстәрсең джәһәннәмдән аман ‘Захочешь быть в безопасности от ада’*. Нередко арабские заимствования и целые фразы располагались автором в финале синтаксических конструкций и на концах стихотворных строк. В предложениях постпозитивное расположение арабизмов служило их дополнительному выделению. В стихотворных строках они становились основой для рифм в полном соответствии с традициями арабского стихосложения, для которого характерен монорим с одной и той же согласной в рифмующихся слогах: *Әйә дуслар, карындашлар, идүң тәүбә, идүң ихсан, Габәдүр донйауи эшләр, килүң һәр дәм, идүң ихсан ‘О друзья, родные, совершайте покаяние, совершенствуйтесь, Многочисленны дела мирские, приходите всякий раз, совершенствуйтесь’*, *Идәм Эстәрле башының шәһир хәлфәләрен итбак, Бередүр мулла Фазлаллаһдур, аңа әхсан идүбдүр хак ‘Называю известных наместников Стерлибаша, Один из них – мулла Фазлаллах, его Истинный сделал лучшим’*.

Стилистическая активность арабских заимствований в текстах на языке тюрки наиболее ярко проявляется в их полной и частичной синонимии с исконными словами. В современном башкирском языке арабизмы в синонимических рядах имеют обычно высокую экспрессивную окраску и соотносятся с книжной группой стилей. Очевидно, чередуя арабские и тюркские слова в своих текстах, М.-‘А. Чүқурй добивался не только разнообразия лексических средств, но и придавал некоторым из них экспрессивную окраску. Так в произведении, условно называемом “Поэтическим родословием”, автор активно чередовал лексемы арабского и тюркского происхождения в одинаковых контекстах: *Асыл бабам Тубыл, Иртеш Кәнарында булуб ирмеи ‘Мой благородный предок жил на берегах Тобола и Иртыша’ – Ил-йорт салуб, биләб йортлар Миәч буйында башкортлар ‘Заводя жилища, занимая дома на берегах Миасса башкиры’*, *Миәч нәһерен дә һәм артка ‘И реку Миасс позади’ – Булуб Барда сыуын дәм саз ‘Оставшись довольными рекой Бардой’*, *Риджалы ул тарафларның ‘мужи тех сторон’ – Хужа кылганда ирләре ‘когда делали мужей хозяевами’* и пр. Лишь в единичных случаях употребление именно арабских слов мотивировано с точки

зрения семантики и контекста: *Кайу дурт йер арасында 'Среди которых четырех земель' – Ирәктә арзы, диб шунда 'Говоря: там земля Иряктинцев', Алар бертуғмадур мәшһур 'Они один род, известно' – Ғәзиз әнсабымыздан һәм 'И из дорогого нашего рода', Латиф Урал джанабында, Миәч нәһере танабында 'На прекрасном великом Урале, В долине реки Миасса'.*

Таким образом, активное бытование арабизмов в произведениях М.-'А. Чүжурй обусловлено культурной и языковой ситуацией в Башкортостане в XIX веке и особенностями мировоззрения, жизненной и творческой позиции поэта. Для М.-'А. Чүжурй как для мусульманского интеллектуала арабский язык представлял религиозную и эстетическую ценность в качестве языка Священного писания, хадисов и ведущих богословских текстов. Он служил своего рода метаязыком для внешнего описания и номинации произведений на тюрки, источником терминологической лексики и базой для пополнения синонимических рядов. В произведениях автора используются характерные для современного башкирского языка модели морфологической адаптации арабизмов. Поэт активно прибегал к различным синтаксическим способам актуализации лексики арабского происхождения. Языковые техники М.-'А. Чүжурй, связанные с введением в текст арабизмов, способствовали обогащению как лексической, так и стилистической системы языка тюрки и – через него – современного башкирского языка в период его становления.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00223.

Список литературы

1. Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г. Арабские заимствования в русском и башкирском языках Монография [Текст] Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г.–Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 162 с., 10 п.л., тираж 150 экз.
2. Галяутдинов И.Г. Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения. Сборник статей // сост. Р.М. Булгаков, Ф.С. Тикеев, Я.Ф. Набиуллин, А.Х. Кудабаева. – Уфа: Гилем, 2008. – 408 с.
3. Коран. Перевод с арабского и комментариев М.-Н.О. Османова. – СПб.: Диля, 2009. – 576 с.
4. Навои М.А. Суждение о двух языках. Часть 1 / перевод А. Малеховой. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tyurk.ru/file3_204_10.shtml (Дата обращения 09/03/2015).
5. Сайтбатталов И.Р. Пространство в языковой картине мира М.-'А. Чукури (на материале "Поэтического родословия") // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(І). С. 1565-1567.

6. Фаткуллина Ф. Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности
[Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1626-1627.
7. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы Городской науч.- практ. конф. Москва, 24 ноября 2014 г. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014 – С. 190-197.
8. Франк А.Дж. Исламская историография и “булгарская идентичность” татар и башкир в России / Перевод с английского Ильсии Хайбутдиновой. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 268 с.
9. Хаджи Абдулгафур Раззок Бухари. Введение в суфизм / перевод с узбекского Равиль ибн Ханафий (Чепкунов). – М.; «Имидж Пресс», 2010. – 152 с.

Рецензенты:

Хисамова Г.Г., д.фил.н., профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г. Уфа.

Галяутдинов И.Г., д.фил.н., профессор кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования Башкирского государственного университета, г. Уфа.